

В. М. Пронин

*Последние дни
Царской Ставки
(24 февраля – 8 марта 1917 г.)*

DirectMEDIA

В. М. Пронин

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЦАРСКОЙ СТАВКИ

(24 февраля – 8 марта 1917 г.)

Под редакцией А. М. Суриса

Москва

Берлин

2016

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
П78

Пронин, В. М.

П78 Последние дни Царской Ставки
(24 февраля – 8 марта 1917 г.) / В. М. Пронин ;
под ред. А. М. Суриса – М. ; Берлин :
Директ-Медиа, 2016. – 79 с.

ISBN 978-5-4475-8769-7

Воспоминания политического деятеля, участника Белого движения на юге России, полковника Василия Михайловича Пронина (1882-1965 гг.) имеют огромную историческую ценность. Это воспоминания о последних днях Императорской России. Автор считает, что в сплетении событий тех дней четко прослеживался какой-то неотвратимый рок. Как развивались события, какими были унастроения их непосредственных участников, а также что способствовало отречению Императора Николая II – ответы на эти вопросы Вы найдете на страницах этих мемуаров.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-4475-8769-7

© Сурис А. М., редактор, текст, 2016

© Издательство «Директ-Медиа», оформление, 2016

Часть I

Печатая свои краткие воспоминания о событиях, происходивших в Царской Ставке в конце февраля и в начале марта 1917 г., я должен оговориться, что эти воспоминания совершенно не претендуют на всесторонность и исчерпывающую полноту изложения всего того, что происходило в Ставке в эти дни.

Я делюсь с читателем только тем, чему я был свидетелем и что подтверждается сохранившимися у меня документами и моими того времени записями.

Некоторые из приводимых мною документов уже были опубликованы, однако, я полагаю, не лишним будет в настоящее время еще раз о них напомнить.

Вспоминая февральские и мартовские события, эту только что открывавшуюся новую и роковую страницу в жизни нашей Родины, я невольно мысленно переношусь туда, в Могилев на Днестре, в Могилев 1917 года, в Ставку Верховного Главнокомандующего.

И перед моим мысленным взором вновь пронесется ураган минувших событий и встают тени ушедших в историю Императора Николая II и его Начальника Штаба Генерала М. В. Алексеева.

Я вспоминаю спокойное, приветливое лицо, сероголубые глаза Императора, в которые я смотрел, встречая Его с рапортом у входа в Управление Генерал-Квартирмейстера Ставки...

И я, как сейчас, вижу врезавшееся в мою память на всю жизнь, скорбное лицо Императора и крупные слезы, катившиеся по его щекам, когда он обходил встречавших его на вокзале офицеров Ставки, в момент прибытия из Пскова, после отречения...

Я вспоминаю и болезненное, с лихорадочным блеском глаз, осунувшееся лицо старика Генерала М. В. Алексева, принимавшего все меры, дабы предотвратить, ослабить надвигавшуюся грозную бурю, а затем до конца дней своих, боровшегося за честь и счастье Родины с ее разрушителями...

Часть II

На южной окраине Могилева, на высоком и крутом берегу Днепра, откуда открывался прекрасный вид на заднепровские дали, стоял небольшой двухэтажный губернаторский дом.

Здесь имел пребывание Государь Император во время своих приездов в Могилев.

Почти вплотную к этому дому или как мы его называли – «дворцу», примыкало длинное двухэтажное здание Губернского Правления; в нем находилось Управление Генерал-Квартирмейстера, этого «святая святых» всей русской армии.

Перед дворцом и Управлением была довольно большая площадка, обнесенная со стороны прилегавшего к ней городского сада и улицы железной решеткой.

У парадного входа дворца, когда Государь был в Ставке, обыкновенно стояли парные часовые от Георгиевского батальона, составлявшего охрану Ставки.

Батальон комплектовался георгиевскими кавалерами – офицерами и солдатами всех строевых пехотных частей армии, по особому выбору. Это, так сказать, были «храбрейшие из храбрых».

В ближайших аллеях сада и на прилегающей к площадке улице несли дежурство чины дворцовой полиции и секретные агенты, которых мы называли «ботаниками». Дабы не обращать на себя внимание, они, внешне сохраняя непринужденный вид, словно прогуливаясь, останавливались у дерева или цветочной клумбы и как бы внимательно их рассматривали, в то же время зорко следя за всеми прохожими и проезжими.

Невдалеке, напротив Управления Ген.-Квартирмейстера, за садом в большом здании Окружного Суда помещалось Управление Дежурного Генерала Ставки, во главе которого стоял Ген.-Лейтенант Кондзеровский.

Остальные учреждения Ставки были размещены в казенных и городских зданиях, гостиницах и школах.

Жизнь Ставки до роковых февральских дней шла нормальным, давно заведенным порядком.

Работали в условиях совершенно мирной обстановки; до ближайшего участка фронта Западного – было около 250 верст.

Рабочий день Управления Генерал-Квартирмейстера, где я, в чине подполковника Ген. Штаба имел высокую честь служить вплоть до заключения в Быхове вместе с Ген. Корниловым, начинался в 8 ч. утра, и с перерывами для питания продолжался обыкновенно до 10–11 ч. вечера.

Во главе Управления стоял Ген.-Лейтенант Лукомский.

На фронте в дни, предшествовавшие революционной буре, было спокойно. Происходили лишь незначительные, успешные для нас бои на Юго-западном и Кавказском фронтах.

Все мысли наши и работа были сосредоточены, главным образом, на подготовке к весеннему общему с союзниками наступлению...

Русская армия к этому времени, благодаря усиленному производству отечественной промышленности и поддержке союзников, располагала огромными материальными и техническими средствами; она была ими

богата как никогда со времени начала войны. Что же касается духа армии, то он оставлял желать лучшего...

Продолжительная и кровопролитнейшая во всей мировой истории война, вызвавшая огромную напряженность духовных и материальных сил, понизила вообще моральную устойчивость борющихся народов и их армий.

Но, нужно правду сказать, это в большей степени, чем кого-либо, коснулось нашей родины и русской армии; причиной тому были обстоятельства внутренне-политического характера и в частности, как результат крупных пробелов в воспитании народных масс в духе сознательной и горячей любви к родине.

В общем же, однако, нужно признать, что русская армия начала 1917 г., прочно державшая свыше чем 1000 вер. фронт, представляла внушительную силу и могла быть использована не только для продолжения пассивной обороны, но и для наступления, что, при наличии упомянутых выше огромных технических средств, сулило успех.

Дабы закончить так затянувшуюся, перешедшую на истощение и медленное обескровление народов войну, нужно было той или другой из борющихся сторон – союзникам или центральным державам – напрячь все усилия и нанести врагу последний и всесокрушающий удар.

И тот удар, который готовилась нанести вместе с союзниками Россия, была бы более чем вероятно роковым для Германии¹.

¹ Людендорф в своих воспоминаниях (т. II) пишет, что если бы русские перешли весной 17 года в наступление, германская армия попала бы в весьма трудное положение, последствия коего он даже не может себе и представить.

Однако события конца февраля и начала марта – вспыхнувший и охвативший нашу родину революционный пожар не только сжег большие ВОЗМОЖНОСТИ на победоносное окончание войны², но и разрушил грандиозную, созданную веками и многими, многими поколениями русского народа величественную храмину Государства Российского...

² Русская революция спасла нас от гибели», радостно восклицает Людендорф (т II).

Часть III

Около 20-х чисел февраля в Ставку прибыл после продолжительного отпуска Нач. Штаба Верховного Главнокомандующего Ген. Алексеев. Он провел несколько месяцев в отпуску в Крыму и, не закончив полного курса лечения, поспешил в Ставку, ибо приближалось время весенних операций.

Серьезная, изнурительная болезнь все еще мучила его. Температура временами доходила до 39–40°.

В его отсутствие должность Нач-ка Штаба исполнял Ген. Гурко.

Помощником Нач-ка Штаба был Ген. Клембовский.

Впервые тревожные сведения о волнениях в Петрограде начали поступать в Ставку 24-го февраля. Особого значения им как-то не придавали.

Кстати, здесь необходимо сказать несколько слов вообще о настроении офицеров Ставки и именно тех кругов, с коими я соприкасался.

Внутренне – политическая напряженность, охватившая широкие общественные круги страны незадолго до революции, не могла, конечно, не повлиять в той или иной мере на психологию офицерства армии, в частности, и в большей степени, офицерства Ставки, которое естественно по своему положению было более в курсе всего происходившего.

Не скажу чтобы часто, но все-таки были разговоры и суждения на политические темы, являвшиеся отзвуком тогдашних общественно-политических настроений.

Из Петрограда доходили слухи о могущих быть «крупных переменах наверху» и даже о «дворцовом перевороте» и т. п.

Однако, о возможности революционного взрыва во время войны не допускалось и мысли.

В течение 25 и 26 февраля были получены более тревожного характера телеграммы от Гл. Начальника Петроградского военного округа Ген. Хабалова и Председателя Государственной Думы Родзянко.

Сообщалось, что 25 февраля в Петрограде начались волнения, выразившиеся в демонстрациях и вооруженных столкновениях населения с жандармерией и полицией в разных частях города, и что в этот день забастовало 240 000 рабочих.

Родзянко в своей телеграмме на имя Нач-ка Штаба Верховн. Главнокомандующего для доклада Государю уже указывал на критическое положение страны, находящейся накануне полного краха.

«России», телеграфировал Родзянко: «предстоит заключить позорный мир. Единственное спасение, единственный выход из создавшегося положения, это – назначение лица, облеченного доверием страны во главу Правительства, с предоставлением ему полномочий сформировать ответственное министерство».

Копию этой телеграммы Родзянко адресовал и Главнокомандующему Юго-Западным фронтом генералу Брусилову. Последний повторил ее в адрес генерала Алексеева с припиской для доклада Государю, что единственный выход из создавшегося положения, это – пойти по пути, предлагаемому Родзянко.

Таким образом, первым из вождей армии, обратившимся к Государю с просьбой о даровании стране ответственного министерства был ген. Брусилов.

Настроение Ставки и в эти дни еще было относительно спокойное; жизнь шла нормальным порядком; все продолжали выполнять свою работу. Событиям в Петрограде как будто не придавали серьезного значения; их рассматривали как серьезный бунт, но который должен быть подавлен властью. Сообщения Родзянко считали преувеличенными.

Не было заметно, во всяком случае наружно, никаких перемен и в укладе жизни дворца; все шло по установленному порядку и этикету.

В этот день, 26 февраля (воскресенье) Государь был в дворцовой семинарской церкви, и я видел его возвращающимся оттуда в сопровождении барона Фредерикса, Воейкова и генерала Лукомского. Затем Государь приходил в Управление Генерал-Квартирмейстера и принимал очередной оперативный доклад Начальника Штаба.

Поступившие в течение 27 февраля из Петрограда сведения рисовали уже весьма тревожные картины развертывавшихся там событий. Бунт, по-видимому, разрастался.

С утра 26-го февраля начались серьезные волнения в войсковых запасных частях гарнизона Петрограда.

Необходимо здесь отметить, что столица в это время была буквально наводнена сотнями тысяч запасных.

Это был в своем огромном большинстве совершенно сырой, мало дисциплинированный материал.

Это были не солдаты, а одетые в солдатские шинели разных категорий люди, для приведения коих в солдатский вид нужно было и время, и совершенно другая обстановка, и, наконец, что самое важное, достаточное количество хорошего качества обучающего (офицерского и унтер-офицерского) кадра.

Обстановка большого города развращающе действовала на запасных. Регулярные и продуктивные занятия с ними не могли вестись, т. к. на 5000 человек приходилось примерно два-три офицера, да и то в большинстве случаев прошедших только ускоренные военно-училищные курсы или школу прапорщиков, не имевших ни опыта, ни достаточных знаний, и кои сами нуждались в руководстве.

В общем, запасные были распущены, не дисциплинированы, а главное, идти на фронт не хотели.

Это был горючий, быстро воспламеняющийся материал для производства всякого рода беспорядков; это был пороховой погреб, который от брошенной революционной искры и взорвал основной фундамент, на котором держалась наша родина, положив начало всей дальнейшей катастрофе.

26 февраля некоторые запасные части вышли из казарм на улицу и присоединились к демонстрировавшим толпам рабочих и подонков населения.

Посланные на усмирение запасные войсковые части отказались употребить оружие против бунтовщиков.

Произошли вооруженные столкновения с полицией, в результате были убитые, в том числе и офицеры³. Характерно, что манифестанты избивали и даже убивали лиц, кричавших «долой войну».

Ген. Хабалов объявил Петроград на осадном положении.

Для подавления же беспорядков он и Воен. Мин. ген. Беляев просили командировать в Петроград надежные войсковые части.

В телеграмме, полученной в ночь на 27 февраля, Председатель Сов. Министров кн. Голицын доносил Государю, что в виду создавшегося положения и на основании данных ему Государем инструкций он распустил Государственную Думу и Государственный Совет. В агентских телеграммах Указ о роспуске Думы и Совета был датирован – «25 февраля. Ставка»; из этого мы заключили, что Указ был заготовлен и подписан Государем заранее, а кн. Голицын только проставил дату и место отдачи.

³ В этот день были убиты два офицера Л.-Гв. Павловского полка.

В последующих телеграммах он доносил, что в Петрограде уже революция, что восставшими войсками занята Государственная Дума, Государственный Совет, Арсенал, просил уволить в отставку кабинет министров и дать стране ответственное министерство.

Позднее кн. Голицын донес, что Кабинет Министров сложил с себя свои полномочия... Россия осталась без правительства...

Так быстро и уже грозно развертывающиеся события в Петрограде не могли не сказаться на настроении Ставки и не отразиться на привычной деловой работе. На фронте было спокойно и мысли всех переносились туда, к очагу начинавшегося пожара, который по-видимому все больше и больше разгорался.

Кн. Голицына и ген. Хабалова обвиняли в трусости и бездействии власти. Вопрос о необходимости самых крутых мер подавить беспорядки в столице или же, как телеграфировали несколько дней тому назад Родзянко и кн. Голицын, дать стране давно ожидаемое ответственное министерство и этим положить начало умиротворению расходившихся в Петрограде страстей, было основной темой разговоров и суждений.

Промедление в принятии того или другого решения могло повести к расширению бунта, который легко переброситься в другие пункты, а главное затянувшиеся беспорядки в столице-центре управления государством – могли отразиться печально на ходе жизни страны и управления ею, а затем переброситься и в армию.

Большинство в указанных выше суждениях склонялось к тому, что следует уступить и дать ответственное министерство.

Слово «революция» уже было на устах многих. В этот день Государь Император, как всегда, пришел

около 11 ч. у. в Управление Ген. Квартирмейстера и, приняв оперативный доклад, долго беседовал с Ген. Алексеевым наедине.

Содержания этой беседы, конечно, мы не знали, но, по-видимому, обсуждался вопрос о текущих грозных событиях, происходивших в столице, об отъезде Государя в Царское Село к больным детям⁴ и о назначении в Петроград популярного генерала для наведения порядка, ибо вскоре стало известно, что Государь утром 28/2 уезжает в Царское, а в Петроград с чрезвычайными полномочиями командирится находившийся в почетной отставке и проживавший в вагоне на могилевском вокзале, престарелый и мало активный Ген. Н. И. Иванов и с ним Георгиевский батальон Ставки.

Кроме того было приказано Главнокомандующим Северного и Западного фронтов командировать в Петроград для усмирения беспорядков по бригаде пехоты и конницы.

Известие о предположенном отъезде Государя в такое тревожное время взволновало всех; опасались, что Государь может попасть в руки мятежников, и тогда наступит действительно катастрофа.

«Петроград в огне, последний может переброситься в Царское, и жизни Государя будет грозить огромная опасность»...

«Находясь в Ставке – Государь при армии, под ее защитой. Отсюда можно организовать управление страной вместо ушедшего правительства, и тогда пусть бунтует Петроград... Задушить его, изолировав со всех сторон...»

⁴ Наследник Цесаревич и Вел. Княжны в это время были больны корью.

Вот те отрывочные мысли, кои высказывали некоторые взволнованные офицеры Генер. Штаба, обсуждая предстоящий отъезд Государя.

В течение второй половины дня Ген. Алексеев, несмотря на повышенную температуру и озноб, несколько раз был с докладом у Государя и упрасивал его, во имя блага Родины и скорейшего успокоения народных волнений, последовать советам кн. Голицына и Родзянко и дать ответственное министерство.

Он также убеждал Государя не покидать Ставки, указывая Его Величеству на всю опасность такого шага в настоящее тревожное время.

На все эти просьбы Государь в начале не давал определенного ответа, а затем, после переговоров по прямому проводу с Царским Селом, послал телеграмму кн. Голицыну, в которой приказывал всему Кабинету Министров оставаться на своем посту и принять все меры к подавлению беспорядков.

Вечером ген. Алексеев вновь был у Государя и просил Его даровать стране ответственное министерство.

«На коленях умоляя Его Величество», – сказал он грустно качая головой, возвратившись из дворца: «не согласен»...

Вечером этого же дня ген. Воейков, беседуя с кем-то из офицеров Ставки, как мне передавали, так образно выразился в отношении вопроса об ответственном министерстве: «знаем мы их, дай им палец, а они захотят отнять и всю руку; еще посмотрим...»

Что касается отъезда Государя, то, как передавали из дворца, доводы ген. Алексеева возымели было в начале действие, и Государь отставил свое решение ехать в Царское, но перед вечером ген. Воейков сообщил, что Государь все-таки решил ехать, и уже было отдано распоряжение о подготовке литерных поездов.

Ген. Алексеев, перемогая болезнь, опять идет около 9 час. веч. к Государю и упрашивает Его отставить свою поездку.

«Слава Богу, Государь не уезжает, остается...», – радостно сообщил нам ген. Алексеев, возвратившись из дворца и направляясь в свою комнату. (Он работал и жил в Управлении Ген.-Квартирмейстера).

Все вздохнули с облегчением.

Поздно вечером, около 12 часов, закончив свой рабочий день в оперативном отделении, я возвратился к себе домой, в гостиницу «Метрополь», в комнату №5, где, кстати сказать, ровно через шесть месяцев сидел в заключении вместе с Генералом Корниловым, будучи арестован по распоряжению Керенского, впрямь до перевода в Быховскую тюрьму.

Не успел я уснуть, как был разбужен шумом быстро мчавшихся по Днепровскому проспекту автомобилей.

Посмотрев в окно, я заметил еще два автомобиля, полным ходом промчавшихся со стороны дворца по направлению к вокзалу.

«Неужели Государь все-таки уехал?» – мелькнула у меня мысль.

И действительно, подходя утром на следующий день (28 февраля) к штабу, я уже не заметил дежуривших возле дворца и в сквере чинов дворцовой полиции; не было и «ботаников». Мне стало ясно: Государь действительно уехал.

Это решение Он принял окончательно поздно вечером и сообщил его Ген. Алексею почти перед самым отъездом.

Какая эта была непоправимая и роковая ошибка! Государь оставил армию в такой ответственный для жизни Государства момент.

В штабе было только и разговоров, что об отъезде Государя и об отказе Его, как уже определенно выясни-

лось, дать ответственное министерство. Однако, не терялась еще надежда, что Петроградский бунт все-таки будет подавлен вооруженной силой; для сего и предназначался, как было уже сказано выше, Георгиевский батальон во главе с Ген. Ивановым, который в 8 часов утра продефилировал мимо штаба, направляясь на вокзал для посадки. В качестве нач-ка штаба к Ген. Иванову был прикомандирован Ген. Шт. Подполк. Капустин.

С Северного фронта была уже направлена в Петроград 2-ая бригада 17-ой пехотной дивизии (67-ой пехотный Тарутинский и 68-ой пехотный Лейб-Бородинский полки), а с Западного фронта – сводная бригада 9-ой пехотной дивизии (34-ый пехотный Севский и 36-ой пехотный Орловский полки). Эти части войск считались наиболее надежными⁵.

Полученные в этот день 28 февраля сведения из Петрограда были самого трагического содержания.

Генерал Хабалов телеграфировал, что столица в руках мятежников, что подавить волнения уже нельзя, и что в Мариинском дворце заседает революционная власть.

Утром была получена телеграмма от Председателя Государственной Думы Родзянко. Он сообщал, что уже сформирована новая власть в лице Комитета Государственной Думы, возглавляемого самим Родзянко и что исполняющим обязанности Военного Министра назначен Ген. Маниковский, а Министром Путей Сообщения вместо Кригера-Войновского член Государственной Думы Бубликов.

⁵ Головной эшелон Лейб-Бородинского полка, во главе с командиром полка полк. Седачевым, по прибытии на ст. Луги был разоружен местным военным комитетом во главе с ротмистром Конно-Гренадерского полка Н. Вороновичем.

Все последующие эшелоны дальше ст. Луги не продвинулись и затем по приказу Государя были возвращены на фронт.

Сведений о местонахождении Государя, несмотря на все принятые меры в этот день, не удалось добыть; было лишь известно, что Государь не прибывал в Царское.

Настроение в Ставке нервное и мрачное.

Интересы фронта как-то отошли на второй план; всё мысли направлены к двум точкам – Петрограду и неизвестно где находившемуся Императору.

Весьма сложный государственный механизм остался без руководства, без управления. Правительства нет и Государь неизвестно где...

Государственный корабль остался без кормчего; руль был фактически брошен, и за него схватились руки частью неопытных, но пытавшихся спасти положение, частью ничтожных, принесших в дальнейшем неисчислимые бедствия нашей Родине, людей.

В городе уже ходили разного рода тревожные версии и слухи об аресте Государя, Его смерти и т. п.

Часть IV

1-го марта в 11 часов утра телеграфная связь ставки с Царским Селом была прервана. Дежурившему в этот день по Управлению Генерал-Квартирмейстера Ген. Штаба Подполковнику Тихобразову станция Царское Село передала по аппарату, что по распоряжению члена Государственной Думы Полковника Энгельгардта, она прекращает прием телеграмм из Ставки, и что в дальнейшем все телеграммы, адресованные в Царское и Петроград, должны направляться по прямому проводу в Государственную Думу, где уже установлен аппарат Юза.

Вслед за тем, заведующий связью Ставки Ген. Шт. Подполковн. Сергиевский доложил Генерал-Квартирмейстеру, что и радиостанция в Царском перестала отвечать на вызовы Ставки.

Таким образом, устанавливалась цензура сношений Штаба Верховного Главнокомандующего с Петроградом и Царским Селом. Новая революционная власть уже начала диктовать свою волю и Ставке.

Только около 3-х часов дня удалось выяснить местонахождение Государя: Он был на станции Дно, куда прибыл кружным путем через Смоленск, Вязьму и, после неудачных попыток проехать далее на север в Царское, направлялся в Штаб Северного фронта в городе Псков.

Немедленно по установлении местонахождения Государя Ген. Алексеев послал ему телеграмму, в которой умолял Его Величество для установления порядка в стране и успокоения согласиться на просьбу Комитета Государственной Думы о даровании стране ответственного министерства. Текст этой телеграммы до ее отсылки был показан бывшему в это время в Ставке

В. К. Сергею Михайловичу, который, прочтя, сказал, что нужно просить Государя о назначении Родзянко премьером с поручением ему сформировать Кабинет. В дальнейшем события вечера этого дня у меня записаны по часам⁶.

«21 час. 25 мин. Все в движении и волнении. Все ждут самых печальных и, быть может, еще более трагических вестей. Великий Князь Сергей Михайлович сидит то в аппаратной, то в соседней комнате дежурного офицера и ждет ответа Государя на телеграмму Ген. Алексева об ответственном министерстве.

Из поступивших агентских телеграмм видно, что в состав Временного Комитета Государственной Думы вошли: Родзянко, Керенский, Милюков, Чхеидзе, Караулов, Коновалов, Некрасов и князь Львов.

Поздно вечером из Пскова было получено официальное донесение, что туда прибыл Государь. Немедленно была повторена указанная выше телеграмма Ген. Алексева.

22 ч. 40 м. Сейчас только возвратился из редакции «Могилевских Известий». Генерал-Квартирмейстер приказал мне добыть во чтобы то ни стало образец Высочайшего Манифеста. В указанной редакции, вместе с секретарем ее, я разыскал № за 1914 год с текстом Высочайшего Манифеста об объявлении войны.

В это время уже был составлен проект Манифеста о даровании ответственного министерства. Составляли его Ген. Алексеев, Ген. Лукомский, Камергер Высоч. Двора Н. А. Базили и Великий Князь Сергей Михайлович.

Текст этого Манифеста с соответствующей припиской Генерала Алексева послан Государю в 22 час. 20 мин.».

⁶ Все выписки из дневника взяты в кавычки.

Привожу текст полностью:

«Ваше Императорское Величество! Ежеминутно растет опасность распространения анархии по всей стране; дальнейшее разложение армии и невозможность продолжения войны при создавшейся обстановке настоятельно требуют издания Высочайшего Акта, могущего еще успокоить умы, что возможно только путем призвания ответственного министерства и поручения составления его Председателю Государственной Думы Родзянко.

Поступающие сведения дают основание надеяться, что думские деятели, руководимые Родзянко, еще могут остановить всеобщий развал и что работа с ними может пойти. Но утрата всякого часа уменьшает последний шанс на сохранение и восстановление порядка и способствует захвату власти крайними левыми элементами.

В виду этого умоляю, Ваше Императорское Величество, соизволить на немедленное опубликование из Ставки нижеследующего Манифеста: «Объявляю всем верным Нашим подданным: Грозный и жестокий враг напрягает все последние силы для борьбы с Нашей Родиной. Близок решительный час. Судьба России и честь Нашей геройской армии, благополучие народа, все лучшее будущее Нашего Отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Стремясь сплотить все силы народа для скорейшего достижения победы, Я признал необходимым призвать ответственное перед представителями народа Министерство, возложив образование его на Председателя Государственной Думы Родзянко из лиц, пользующихся доверием страны.

Уповаю, что все верные сыны Родины тесно объединятся вокруг Престола и народных представителей, дружно помогут Нашей доблестной армии завершить

ее великий подвиг. Во имя Нашей возлюбленной Родины призываю всех русских людей к исполнению своего святого долга перед ней, дабы явить, что Россия столь же несокрушима, как всегда, и никакие козни врага не одолеют ее. Да поможет Нам Господь Бог». 1865. Алексеев».

Ответа от Государя ни на телеграмму, ни на проект Манифеста не последовало.

«Полученные за день сведения из Петербурга рисовали все более и более мрачные картины разгоравшейся революции.

Москва подчинилась новой власти, революция стала разливаться по всей стране...

Начались беспорядки и эксцессы в Балтийском флоте...

Запомнилась мне в этот день такая сцена. Около 12 часов дня в комнату оперативного отделения вбежал капитан 1-го ранга профессор Д. А. Бубнов. Горячась и волнуясь, он говорил, что нужно принимать самые решительные меры для подавления беспорядков в Петрограде, что опасность уже грозит Кронштадту и всему Балтийскому Флоту. На это вошедший в комнату Генерал-Квартирмейстер генерал Лукомский, успокаивая его, заметил: «не волнуйтесь, все, что нужно для сего, делается».

Часть V

«2 марта. С утра, как обычно, началась деловая работа, но как-то все не идет ладно. Идут разговоры и споры: что-то будет? Согласится ли Государь подписать посланный ему ночью текст манифеста от ответственного министерстве? Если подпишет, можно считать, что начнется успокоение.

Днем были получены донесения из Пскова, что Государь изъявил свое согласие объявить Манифест об учреждении ответственного перед народом Министерства, поручив Родзянко образовать Кабинет. Вдох облегчения вырвался у многих из груди – слава Богу!..

Однако вскоре выяснилось, что это согласие Государя было уже запоздавшим...

Главкомандующий Сев. фронтом Ген. Рузский, вызвав по аппарату в 2 ч. 30 м. ночи на 2 мар. Родзянко, сообщил ему о решении Государя. На это Родзянко ответил, что появление такого Манифеста было бы своевременно 27-го февраля, в настоящее же время этот акт является запоздалым; что ныне наступила одна из страшнейших революций; сдерживать народные страсти трудно, войска деморализованы. Далее Председатель Государственной Думы заявил, что пока и верит, но опасается, что сдержать народные страсти будет невозможно, что династический вопрос поставлен ребром и войну можно продолжать до победного конца лишь при исполнении предъявленных требований относительно отречения Государя от престола в пользу сына при регенстве Михаила Александровича.

Содержание этого разговора Генерал Рузский сообщил Генералу Алексееву, а последний протелеграфировал его Великому Князю Николаю Николаевичу и всем Главкомандующим фронтами, добавив от себя, что: «обстановка, по-видимому, не допускает иного решения и каждая минута дальнейших колебаний

повысит только притязания, основанные на том, что продовольственное существование Армии и работа всех железных дорог находятся фактически в руках Петроградского Временного Правительства. Необходимо спасти действующую армию от развала, продолжать до конца борьбу с внешним врагом, спасти независимость России и судьбу династии, поставив все это на первом плане, хотя бы ценой дорогих уступок».

«Если Вы разделяете этот взгляд», — писал Ген. Алексеев, обращаясь к Главнокомандующим, «то не благоволите ли телеграфировать весьма спешно свою верноподданническую просьбу Его Величеству через Главнокомандующего Северным Фронтом, известив меня. Повторяю, что потеря каждой минуты может стать роковой для существования России, и что между высшими начальниками Действующей Армии нужно установить единство мысли и целей и спасти Армию от колебаний и возможных случаев измены долгу. Армия должна всеми силами бороться с внешним врагом, а решения относительно внутренних дел должны избавить ее от покушения принять участие в перевороте, который более безболезненно совершится при решении сверхху». 2 марта 1917 года, 10 час. 15 мин. № 1872. Алексеев.

Около 2 час. дня уже были получены копии ответов на имя Государя от Великого Князя Николая Николаевича и Главнокомандующих фронтами.

Великий Князь телеграфировал следующее:

«Генерал-Адъютант Алексеев сообщает мне создавшуюся не бывало роковую обстановку и просит меня поддержать его мнение, что победоносный конец войны, столь необходимый для блага и будущности России и спасения династии, вызывает принятие сверхмер. Я как верноподданный считаю по долгу присяги и по духу присяги — необходимо коленопреклонно

молить Ваше Императорское Величество спасти Россию и Вашего Наследника, зная чувство святой любви Вашей к России и к нему. Осенив себя крестным знаменем, передайте ему Ваше наследие. Другого выхода нет. Как никогда в жизни с особо горячею молитвою молю Бога подкрепить и направить Вас. Генерал-Адъютант Николай».

Главкомандующий Юго-Западным Фронтом *Генерал Брусилов* телеграфировал Начальнику Штаба для доклада Государю следующее:

«Прошу Вас доложить Государю Императору всеподданнейшую просьбу, основанную на моей преданности и любви к Родине и Царскому Престолу, что в данную минуту единственный исход, могущий спасти положение и дать возможность дальше бороться с внешним врагом, без чего Россия пропадет-отказаться от Престола в пользу Государя Наследника Цесаревича при регенстве Великого Князя Михаила Александровича. Другого исхода нет, но необходимо спешить, дабы разгоревшийся и принявший большие размеры народный пожар был скорее потушен, иначе повлечет за собой неисчислимое катастрофическое последствие. Этим актом будет спасена и сама династия в лице законного наследника». Генерал-Адъютант Брусилов.

Главкомандующий Западным Фронтом *Генерал Эверт* прислал следующую телеграмму на имя Государя:

«Ваше Императорское Величество. Начальник Штаба Вашего Величества передал мне обстановку, создавшуюся в Петрограде, Царском Селе, Балтийском флоте и Москве, и результат переговоров Генерал-Адъютанта Рузского с Председателем Государственной Думы. Ваше Величество! На армию в настоящем составе рассчитывать при подавлении внутренних беспорядков нельзя. Ее можно удержать лишь именем спасения

России от несомненного порабощения злейшим врагом Родины при невозможности вести дальнейшую борьбу. Я принимаю все меры к тому, чтобы сведения о настоящем положении дел в столицах не проникали в Армию, дабы сберечь ее от несомненных волнений. Средств прекратить революцию в столицах нет никаких. Необходимо немедленное решение, которое могло бы привести к прекращению беспорядков и сохранению Армии для борьбы против врага. При создавшейся обстановке, не находя иного исхода, безгранично преданный Вашему Величеству верноподданный умоляет, Ваше Величество, во имя спасения Родины и династии принять решение, согласное с заявлением Председателя Государственной Думы, выраженным им Генерал-Адъютанту Рузскому, как единственно видимо способное прекратить резолюцию и спасти Россию от ужасов анархии». Генерал-Адъютант Эверт.

Главкомандующий Румынским Фронтом *Генерал Сахаров* прислал длиннейшую телеграмму, в начале которой разразился ругательствами по адресу всех причастных к начавшейся революции, а в конце умолял Государя согласиться и отказаться от Престола в пользу сына.

Все эти телеграммы были посланы Государю Начальником Штаба в 2 часа 30 мин. дня со следующей припиской:

«Всеподданнейше докладывая эти телеграммы Вашему Императорскому Величеству, умоляю безотлагательно принять решение, которое Господь Бог внушит Вам. Промедление грозит гибелью России. Пока Армию удастся спасти от проникновения болезни, охватывающей Петроград, Москву, Кронштадт и другие города, но ручаться за дальнейшее сохранение дисциплины нельзя. Прикосновение же Армии к делу внут-

ренной политики будет знаменовать неизбежный конец войны, позор России, развал ее.

Ваше Императорское Величество горячо любите Родину и ради ее целостности, независимости, ради достижения победы, соизволите принять решение, которое может дать мирный и благополучный исход из создавшегося более чем тяжелого положения. Ожидаю повелений». № 1873. Генерал Алексеев.

Таким образом, все Главнокомандующие фронтами во главе с Великим Князем, не сговариваясь, но совершенно одинаково оценивая обстановку, пришли к одному и тому же определенному решению о необходимости во имя блага России и в целях продолжения войны отречения Императора от престола в пользу сына.

Днем была получена телеграмма от Председателя Государственной Думы на имя Начальника Штаба, в копии всем Главнокомандующим Фронтами, такого содержания:

«Временный Комитет Государственной Думы, образовавшийся для восстановления порядка в столице, принужден был взять в свои руки власть в виду того, что под давлением войск и народа старая власть никаких мер для успокоения населения не предприняла и совершенно устранена. В настоящее время власть будет передана Временным Комитетом Государственной Думы Временному Правительству, образованному под председательством князя Г. Е. Львова.

Войска подчинились новому Правительству, не исключая состоящих в войске, а также находящихся в Петрограде лиц Императорской Фамилии и все слои населения признают только новую власть. Необходимо для установления полного порядка, для спасения столицы от анархии командировать сюда на должность Главнокомандующего Петроградским Военным Округом

доблестного боевого генерала, имя которого было бы популярно и авторитетно в глазах населения.

Комитет Государственной Думы признает таким лицом доблестного, известного всей России героя Командира XXV-го армейского корпуса Генерал-Лейтенанта Корнилова. Во имя спасения Родины, во имя победы над врагом, во имя того, чтобы неисчислимые жертвы этой долгой войны не пропали даром накануне победы, необходимо срочно командировать Генерала Корнилова в Петроград. Благоволите срочно снестись с ним и телеграфировать срок приезда Ген. Корнилова в Петроград. Председатель Временного Комитета Государственной Думы Родзянко». № 158. 2 марта 1917 г. Эту телеграмму Генерал Алексеев отправил Государю в Псков со следующей припиской:

«Всепогоднейше докладываю эту телеграмму и испрашиваю разрешения Вашего Императорского Величества исполнить ее во имя того, что в исполнении этого пожелания может заключаться начало успокоения столицы и водворения порядка в частях войск, составляющих гарнизон Петрограда и окрестных пунктов. Вместе с сим прошу разрешения отозвать Генерал-Адъютанта Иванова в Могилев». № 1890. 2 марта 1917 г.

По имевшимся в Ставке сведениям Ген. Иванов, прибыв с частью Георгиевского батальона в Царское, не пытался пробиться в Петроград, а оставался в бездействии, не проявляя никакой активности.

Среди солдат батальона шла усиленная агитация, дисциплина падала, и его действительно нужно было возможно скорее увести оттуда, на что и последовало разрешение Государя Императора.

«Настроение в Управлении Генерал-Квартирмейстера лихорадочное и возбужденное; все в волнении, все ждут того или иного разрешения создавшегося кризиса.

В Пскове решается судьба Императора. Какое решение примет Император? Ответа же на телеграммы Генерала Алексева и вообще каких бы то ни было сведений из Пскова не было с утра.

Около 15 час. меня вызвал к себе Генерал-Квартирмейстер, и я по его указанию написал и отправил телеграмму Начальнику Штаба Северного Фронта Генералу Данилову об ускорении ответа Государя на телеграммы Ген. Алексева.

16 час. 52 мин. Свершилось... «Нет той жертвы, которой Его Величество не принес бы для истинного блага Родины»...

В тот момент, когда я перечитывал донесения с фронта и делился своими впечатлениями с ген. шт. Подполковником Лебедевым, вдруг с шумом распахнулась дверь, и в нашу комнату вошел Ген. Шт. Подполковник Тихобразов с телеграммой в руке и, волнуясь, прочел приведенную выше цитату из только что полученной телеграммы из Пскова от Начальника Штаба Северного Фронта. Наступила гробовая тишина... Затем все вскочили с мест, обступили Тихобразова, который прочел полный текст телеграммы.

Телеграмма гласила:

«Около 19 час. (7 час. вечера) сегодня Его Величество примет члена Государственного Совета Гучкова и члена Государственной Думы Шульгина, выехавших экстренным из Петрограда.

Государь Император в длительной беседе с Генерал-Адъютантом Рузским в присутствии моем и Генерала Саввича выразил, что нет той жертвы, которой Его Величество не принес бы для истинного блага Родины. Телеграммы Ваши и Главнокомандующих были все доложены. 2 марта 16 час. 30 мин. Генерал Данилов».

Приведенные выше слова Государя, в которых слышалась глубокая любовь к Родине и готовность к самопожертвованию во имя ее блага долго звучали в моих ушах, и в то же время невольно думалось, как это Государь, еще три дня тому назад, исходя из любви к родине и пользы ей, не желал дать только ответственное министерство, ныне, тоже во имя блага родины, решился на такой величайшей важности акт, как отречение от престола?»

Весть о предстоящем отречении Государя быстро стала достоянием служащих Управления.

Отречение Государя рассматривалось как тяжкий, но видимо неизбежный шаг после того, как Государь отверг своевременные по ходу событий советы Кн. Голицына, Родзянко и искреннего патриота Генерала Алексеева о даровании стране ответственного министерства, что, казалось, положило бы начало успокоению столицы и после того, когда старая власть, оказавшись неспособной подавить бунт, дала ему возможность разрастись в революцию и затем, признав свое бессилие, самовольно бросила управление страной... Надеялись, что будущая новая власть сумеет навести порядок в Петрограде и успокоить страсти.

По получении указанной выше телеграммы из Штаба Сев. Фр. Ген. Лукомский спешно пригласил г. Базили; спустя некоторое время был составлен и передан в Псков проект манифеста об отречении Императора от Престола в пользу Сына.

О тех событиях, которые происходили в Ставке в этот день, вечером 2 марта, у меня записано следующее.

Часть VI

«3 марта. Вчерашний день – 2 марта был великим историческим днем моей Родины.

Император Николай II при жизни ушел в историю...

Открылась новая страница истории России; какие-то письма будут занесены на эту страницу!..

События же минувшей ночи будут памятны мне всю жизнь.

До вечера не было никаких известий из Пскова. Дежурный офицер ген. штаба по требованию Генерал-Квартирмейстера часто запрашивал «по Юзу» Псков. Оттуда или вовсе не отвечали, или сообщали, что для Ставки на аппарате нет телеграмм.

Примерно около 11 час. вечера, в комнате дежурного офицера, рядом с «аппаратной», собралось большинство офицеров Управления Генерал-Квартирмейстера. Был и Великий Князь Сергей Михайлович.

Все ждали, каково будет решение Государя в связи с посланным проектом манифеста и приездом из Петрограда Гучкова и Шульгина. Так как по имевшимся сведениям Шульгин и Гучков должны были приехать в Псков в 7 час. вечера, то предполагали, что к 11 час. уже будут известны результаты представления их Государю.

Великий Князь Сергей Михайлович, бледнее обыкновенного, но сохраняя спокойствие, сидел на диване, усиленно курил, почти не вынимая изо рта сигары, и вел с окружавшими его офицерами разговор на тему о текущих событиях и о том, согласится ли Государь с текстом посланного из Ставки манифеста.

«Все богатые люди», – заметил Великий Князь, говоря о членах Временного Правительства и в частности о Терещенко.

Я стоял у большого зеркала, возле дивана, на котором сидел Великий Князь. Рядом со мной стоял Ген. Шт. Подполковник Д. А. Лебедев⁷ и Ген. Шт. Ген.-Майор Скалой⁸.

Против Вел. Князя на стуле сидел Ген. Шт. Полковник Барановский, далее стояли Ген. Шт. Полковники Киященко, Сергеевский, Ротм. Давыдов, г-н Базили, личный доктор Вел. Князя и другие. Дверь в аппаратную была открыта, и оттуда доносилось шелканье аппаратов Юза.

Около 1 ч. 30 м. ночи из аппаратной вышел Подполковник Тихобразов и, сообщив, что сейчас «Псков» будет передавать срочную телеграмму, пошел доложить об этом Генерал-Квартирмейстеру.

Вслед за Великим Князем большинство офицеров вошло в аппаратную и обступили аппарат Юза, который готовился принимать депешу.

Когда подошел генерал Лукомский, начался прием телеграммы. Великий Князь стал непосредственно рядом с Лукомским и смотрел на вытягивавшуюся ленту, на которой выстукивался текст телеграммы.

Я стоял правее Великого Князя и сбоку смотрел на появлявшиеся на ленте слова; по временам я мельком взглядывал на Вел. Князя.

...«Его Величеством подписаны указы Правительствующему Сенату о бытии Председателем Совета Министров Князю Георгию Евгениевичу Львову и Верховным Главнокомандующим Е. И. Великому Князю Николаю Николаевичу». «Ответственное Министество!..» – мелькнуло у меня в голове.

⁷ Впоследствии в период гражданской войны – нач Штаба Верховного Правителя Адм Колчака.

⁸ Ген. Скалой, как известно, отказался подписать в Брест-Литовске «Похабный Мир» и застрелился.

«Государь Император изволил подписать акт об отречении от Престола с передачей такового Великому Князю Михаилу Александровичу.

Его Величество выезжает сегодня (3-го марта) примерно в 2 часа на несколько дней в Ставку через Двинск.

Манифест и Указы передаются по телеграфу отдельно. 3 марта 1 ч. 1244/6. Данилов».

Тишина... Император ушел в историю...

Я посмотрел на Великого Князя: он был бледен; на глазах блестели слезы. «И за сына отрекся»... – тихо произнес он дрожащими губами.

Глубоко взволнованный, я не помню, как отошел от аппарата и, выйдя в «дежурную комнату», присел на стул.

Все опять собрались здесь же. Генерал Лукомский, как всегда размеренной, слегка грузной походкой, взволнованный, но сохраняя полное спокойствие и выдержку, молча прошел с только что принятой телеграммой в руке мимо нас и направился к Генералу Алексеву.

Отречения Императора от Престола и за сына никто не ожидал.

Это было полной неожиданностью для всех⁹.

Когда все немного успокоились, начались разговоры о только что происшедшем великом событии, о династии вообще, о порядке престолонаследия и т. д. Великий Князь принимал в этих разговорах участие и разъяснял нам некоторые недоуменные вопросы, говоря, что Государь не имел права по закону отречься за сына».

⁹ По приезде Государя в Ставку после отречения Ген. Алексеву была передана заготовленная и подписанная Государем 2 марта телеграмма на имя Председателя Гос. Думы об отречении от Престола в пользу сына Телеграмма эта по неизвестным причинам не была послана См. приложение № 1.

До поздней ночи не уходили мы и ждали, пока передадут полный текст манифеста. Начало его было то же, что и в проекте, посланном из Ставки, но в середине было радикальное изменение; там говорилось:

«Не желая расставаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие наше Брату нашему Великому Князю Михаилу Александровичу и благославляем Его на вступление на престол Государства Российского.

Заповедуем брату нашему править делами Государственными в полном и ненарушимом единении с представителями Народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том нерушимую присягу».

Какую величайшую душевную трагедию должен был переживать ушедший Государь в этот роковой для него день 2 марта!..

Получив полный текст Манифеста¹⁰, Вел. Кн. Сергей Михайлович передал его по телеграфу в Киев Государыне Императрице Марии Федоровне и Вел. Кн. Александру Михайловичу.

Затем был принят по телеграфу Высочайший Указ Государя Императора, подписанный Им перед отречением о назначении Вел. Кн. Николая Николаевича Верховным Главнокомандующим и Указ Правительствующему Сенату о назначении Председателем Совета Министров ответственного перед народными представителями министерства кн. Г. Е. Львова с перечислением всего состава министров.

Долго мы еще не расходились и делились впечатлениями пережитого. Только в начале 4 часа ночи я ушел домой».

¹⁰ См приложение №2.

Когда на следующий день в 8 часов утра я пришел в Штаб, мне сообщили, что около 5 часов Ген. Алексеев беседовал по аппарату с Родзянко.

Родзянко просил Генерала Алексеева не опубликовывать Манифеста об отречении. Между тем копия цитированной выше телеграммы Генерала Данилова была рано утром передана по телеграфу по всем фронтам со следующей припиской Генерала Алексеева:

«Настоящую телеграмму прошу срочно передать во все армии и Начальникам Главных Военных Округов, входящих в состав фронта. По получении по телеграфу Манифеста, таковой должен быть безотлагательно передан во все армии по телеграфу и, кроме того, напечатан и разослан в части войск. 3 марта 1917 г. № 1908. Генерал Алексеев».

Причина просьбы Родзянко не опубликовывать Манифест была следующая:

«С регентством Великого Князя и воцарением Наследника Цесаревича, — сообщил Родзянко, — быть может и помирились бы, но кандидатура Великого Князя, как Императора, ни для кого не приемлема, и вероятно гражданская война».

На вопрос Генерала Алексеева, почему же депутаты, присланные в Псков для решения именно этого вопроса, не были достаточно инструктированы, Родзянко ответил, что после «отъезда депутатов в Петрограде вспыхнул новый солдатский бунт; к солдатам присоединились рабочие, и анархия дошла до своего апогея. После долгих переговоров с депутатами от рабочих удалось к ночи 2 марта прийти к некоторому соглашению, суть коего: через некоторое время, не ранее полугода, собрать Учредительное Собрание для определения формы правления, до того власть сосредотачивается в руках Временного Комитета Государственной Думы, ответственного министерства, уже сформированного при содействии двух законодательных палат».

Генерал Алексеев был крайне возмущен этим разговором и немедленно же сообщил содержание его Главнокомандующим со следующей припиской:

«Родзянко мечтает и старается убедить, что при такой комбинации возможно быстрое успокоение, решительная победа будет обеспечена, произойдет подъем патриотического чувства, все заработает в усиленном темпе.

Некоторые уже полученные сведения указывают, что Манифест уже получил известность, местами опубликован, вообще немислимо удержать в секрете высокой важности акт, предназначенный для общего сведения, тем более, что между подписанием акта и обращением Родзянко ко мне прошла целая ночь. Из совокупности разговоров Председателя Думы Главковом и мною позволительно прийти к выводу: 1) В Государственной Думе и ее Временном Комитете нет единодушия, левые партии, усиленные Советом Рабочих Депутатов, приобрели сильное влияние, 2) на председателя Думы и Временного Комитета Родзянко левые партии и рабочие оказывают мощное давление, и в сообщениях Родзянки нет откровенности и искренности, 3) цели господствующих над Председателем партий ясно определились из вышеприведенных пожеланий Родзянко, 4) войска Петроградского гарнизона окончательно распропагандированы рабочими депутатами и являются вредными и опасными для всех, не исключая умеренных элементов Временного Комитета. Очерченное положение создает грозную опасность более всего для Действующей Армии, ибо неизвестность, колебания, отмена уже объявленного манифеста могут повлечь за собой шатание умов в войсковых частях, и тем расстроить способность борьбы с внешним врагом, а это ввергнет Россию безнадежно в пучину крайних бедствий, повлечет потерю

значительной части территории и полное разложение порядка в тех губерниях, которые останутся за Россией, попавшей в руки крайних левых элементов.

Получив от Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Николаевича повеление в серьезных случаях обращаться к нему срочными телеграммами, доношу ему все это, испрашивая указаний, присовокупляя: 1) суть настоящего заключения сообщить председателю Думы и потребовать осуществления Манифеста во имя спасения Родины и Действующей Армии, 2) для установления единства во всех случаях и всякой обстановке созвать совещание Главнокомандующих в Могилеве. Если на это совещание изволит прибыть Верховный Главнокомандующий, то срок будет указан Его Высочеством, если же Великий Князь не сочтет возможным прибыть лично, то собраться 8 или 9 марта. Такое совещание тем более необходимо, что только что получил полуофициальный разговор по аппарату между чинами Морского Главного Штаба, суть коего: обстановка в Петрограде 2 марта значительно спокойнее, постепенно все налаживается, слухи о резне солдатами офицеров сплошной вздор, авторитет Временного Правительства, по-видимому, силен. Следовательно, основные мотивы Родзянко могут оказаться неверными и направленными к тому, чтобы побудить представителей Действующей Армии неминуемо присоединиться к решению крайних элементов, как к факту совершившемуся и неизбежному.

Коллективный голос высших чинов Армии и их условия должны, по моему мнению, стать известными всем и оказать влияние на ход событий.

Прошу высказать Ваше мнение; быть может Вы сочтете нужным запросить и Командующих Армией, равно сообщить, признаете ли соответственным съезд Главнокомандующих в Могилеве. № 1918. Генерал Алексеев».

Утром же Ген. Алексеевым была получена из Тифлиса от Вел. Кн. Николая Николаевича телеграмма с повелением сообщить армии и флоту о его вступлении в командование Армией и Флотом и о назначении Государем ответственного министерства¹¹.

Это распоряжение было сообщено всем Главнокомандующим Фронтами и Ком-щим Балтийским и Черноморским Флотами со следующей припиской Ген. Алексева:

«Надлежит указать, что по всем подлежащим вопросам надо сноситься с новым Правительством; в согласии с Государственной Думой Государь Император издает Манифест, который будет объявлен законным порядком. По справке из нового министерства из Петрограда Манифест будет обнародован в ночь на 4 марта, и немедленно об этом Вы будете поставлены в известность. 3 марта 1817 г. № 1929. Ген.-Адъютант Алексеев».

Полученные в течение дня сведения из Петрограда рисовали новые и весьма мрачные картины.

Самой печальной вестью была та, что Великий Князь Михаил Александрович отказался вступить на престол.

«Итак, в России нет Императора... Дистанция огромного размера! В три дня от самодержавия докатились до республики», – заметил мрачно один из моих сослуживцев, прочтя сведения об отречении Великого Князя.

Из полученных Петроградских газет мы узнали подробности происходивших там событий.

Государственная Дума была центром, куда стекались с музыкой и красными знаменами взбунтовавшиеся запасные части, ведомые своими командирами.

¹¹ См. приложение №3.

Перед Думой «войска» выражали свою радость по поводу начавшейся революции криками «ура», игрой марсельезы и предлагали себя в распоряжение председателя Государственной Думы Родзянко...

Был здесь и Гвардейский Экипаж во главе со своим командиром Вел. Кн. Кириллом Владимировичем.

На офицеров Ставки этот шаг Вел. Князя произвел тягостное впечатление, и, главным образом, по той причине, что он был совершен Великим Князем в то время, когда об отречении Императора не было еще и речи.

Узнали, что в Петрограде в ночь на 27 февраля был образован Совет Рабочих Депутатов, поставивший своей целью «бороться во имя России за полное свержение старого правительства и созыв Учредительного Собрания на основе общего, равного, прямого и тайного избирательного права».

Прочли знаменитый «Приказ № 1» Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, положивший начало выборным войсковым комитетам, дискредитировавший власть начальника, давший мощный толчок к разложению армии – падению дисциплины.

Прочтя этот приказ, я помню, мы в начале как-то не отдали себе ясного представления о могущих быть грозных последствиях его.

Некоторые из моих сослуживцев отнеслись к нему в первый момент даже иронически. Какой-то самочинный Совет Рабочих и Солдатских Депутатов отдает приказы по войскам Петроградского Округа! Кто его будет исполнять? Новая Власть – Временное Правительство, а не какой-то «Совет Рабочих и Солдатских Депутатов».

Так рассуждали мы, не будучи вполне в курсе Петроградских событий и взаимоотношений между С. Р. и С. Д. и Временным Правительством.

И с фронта в этот день впервые стали поступать весьма тревожные сведения. Революционные волны из Петрограда стали достигать Армии.

На железнодорожных станциях района армий появились группы неизвестных людей и от имени Временного Правительства начали разоружать станционных жандармов, устраивать митинги, произносить агитационного характера речи.

Крайне обеспокоенный этим обстоятельством, Ген. Алексеев, дабы не допустить заразы в армию, отдал Главнокомандующим Фронтами категорическое приказание об уничтожении «революционных разнuzданных шаяк».

«При появлении где-либо подобных самозванных делегаций, таковые желательнo не рассеивать, а стараться захватить, и по возможности тут же назначить полевой суд, приговор которого немедленно приводить в исполнение. 3 марта № 1925. Алексеев».

«21 час 40 мин. Великий момент в моей жизни по драматичности пришлось мне пережить около часа тому назад.

В виду предстоявшего сегодня приезда из Пскова Государя Начальник Штаба приказал для встречи Императора прибыть на вокзал офицерам Управления Генерал-Квартирмейстера, Дежурного Генерала и других учреждений Ставки.

Было 20 час. 20 мин., когда я на автомобиле подъехал к вокзалу Царской ветки.

Стоял холодный мартовский вечер с ветром и мелким снегом, и потому, прибыв на вокзал, я зашел в павильон погреться. Там уже был Генерал Алексеев, который сидел за столом и разговаривал с Генералом Лукомским, и человек 30 офицеров. Царский поезд запаздывал.

Спустя некоторое время дежурный по станции офицер подошел к Ген. Алексееву и доложил, что поезд подходит. Все вышли на перрон и выстроились по старшинству чинов.

Вот вдали показались огни паровоза; поезд подходил; мимо меня тихо потянулись царские с вензелями темно-синие вагоны.

Глядя на проходивший поезд, меня охватило чувство безысходной грусти; сердце болезненно сжималось. Мысли вихрем носились в моей голове:

«Императора уже нет... привезли его тело... Прибыл «бывший» Император; слово «бывший» звучит как-то дико... «бывший»... Его нет... Императора, при Его же жизни уже нет... Да и вообще в России нет Императора...»

Не сон ли это? – Нет. – Вагоны тихо проходят мимо меня; я стою «смирно» и держу руку у козырька... Ветер качает вверху фонарь, и на вагонах играют гигантские причудливые блики...

Поезд тихо остановился... Я оказался против второй площадки царского вагона.

Глядя на вагон, в трех шагах от меня находившийся, я был поражен большим на нем количеством каких-то царапин и изъянов. Покраска местами как бы потрескалась и большими слоями поотваливалась – «будто следы от попавших в него мелких осколков снарядов», – мелькнула мысль.

С площадки вагона соскочили два казака и стали по бокам выхода на перрон.

Спустя несколько минут вышел Государь в сопровождении Министра Двора Барона Фредерикса. Государь подошел к Генералу Алексееву, обнял его и расцеловался с ним; затем, что-то сказав ему, медленно пошел вдоль фронта офицеров, молча здороваясь, глядя каждому в глаза и пожимая руку.

«Бодрится»... – промелькнула у меня мысль, когда я заметил, что Государь все время вскидывает вверх головой и поводит, как бы вздрагивая, плечами. Пожав руку правее меня стоявшему Ген. Шт. Полковнику Киященко, Государь подошел ко мне. В этот момент Киященко, видимо глубоко взволнованный переживаемым моментом, зарыдал. Император повернул в его сторону голову. Свет, падавший от фонаря, освещал Императора, и я увидел Его полное скорби лицо, крупные слезы, катившиеся по Его щекам...

Резким движением левой руки Он смахнул слезы и, повернувшись ко мне лицом, глядя прямо в глаза, протянул и пожал мне руку.

Дрогнуло и защемило мое сердце; до крайности напряженные событиями последних дней и переживаемым моментом мои нервы не выдержали. Слезы затуманили мои глаза... Я продолжал стоять, держа руку у козырька, не видя Императора.

Когда я взял себя в руки и повернул голову налево, Государь уже подходил к левому флангу нашей шеренги ...

Обойдя всех офицеров, Император вместе с Генералом Алексеевым вошел к себе в вагон.

Начали расходиться... Неподалеку от Царского вагона собралась группа офицеров. К ним из вагона вышел флигель-адъютант Полковник Мордвинов и, подходя к офицерам, сказал, разводя руками: «Ну вот и доигрались». Что он хотел сказать этими словами!?

С каким-то опустошенным, как бы после тяжелого нравственного удара, сердцем возвращался я домой. Как все это катастрофически быстро, и как в сущности просто произошел этот величайшей важности акт в жизни России – отречение Императора и крушение монархии!

Еще три дня тому назад Государь уезжал из Ставки неограниченным монархом величайшей Империи мира, сегодня он приехал как простой смертный, сняв с себя корону Российскую и выпустив скипетр из рук.

Одинокий и беспомощный...

Император России, самодержец и беспомощный, одинокий?!.. Да, беспомощный и одинокий. Иначе как же могло все это произойти? Какая трагедия.

Без сопротивления, даже без попыток бороться за свою, как Он глубоко верил, Богом данную власть, ушел Император Николай II, оставив престол своих царственных предков...

Ушел и Вел. Кн. Михаил Александрович, не вступив даже на престол... Ушла без борьбы династия Романовых...».

Часть VII

«4 марта. Подходя сегодня утром к Штабу, мне бросились в глаза два огромных красных флага, примерно в две сажени длиной, висевшие по обе стороны главного входа в здание городской думы. Вензеля Государя и Государыни из разноцветных электрических лампочек уже были сняты.

Государь со вчерашнего вечера во дворце, и Он может из окошек круглой комнаты, в которой обыкновенно играл Наследник, видеть этот новый «русский флаг»...

Около 10 час. утра я был свидетелем проявления «радости» Георгиевским батальоном по случаю провозглашения нового режима в России. Сначала издалека, а затем все ближе и ближе стали доноситься звуки военного оркестра, нестройно игравшего марсельезу.

Мы все, находившиеся в это время в оперативном отделении, подошли к окнам.

Георгиевский батальон в полном составе с музыкой впереди, направляясь в город, проходил мимо Штаба. Толпа, главным образом, мальчишек, сопровождала его. Государь, стоя у окна, мог наблюдать как лучшие солдаты армии, герои из героев, имеющие не менее двух георгиевских крестов, так недавно составлявшие надежную охрану Императора, демонстративно шествуют мимо окон Его, проявляя свою радость по случаю свержения Императора...

Нечто в том же духе сделал и «конвой Его Величества». Начальник Конвоя ген. граф Граббе явился к Ген. Алексею с просьбой разрешить снять вензеля и переименовать «конвой Его Величества» в «конвой Ставки Верховного Главнокомандующего».

И вспомнились мне швейцарцы, наемная гвардия Людовика XVI, вся до единого солдата погибшая, защищая короля...

Сегодня около 11 час., как и прежде, дежурный офицер встречал с рапортом у входа в Управление Генерал-Квартирмейстера Императора, который пришел принять оперативный доклад Начальника Штаба.

Когда Государь поднимался по лестнице, я стоял вместе с другими офицерами Генерального Штаба у дверей оперативного отделения и смотрел вдоль коридора.

Поднявшись на площадку 2-го этажа, Государь поздоровался с дежурным жандармом и прошел в кабинет.

Как будто все по-прежнему... «Может быть, события прошедших дней только тяжелый кошмарный сон?..» – думалось мне, когда я сел за свой стол и стал разбирать полученные с фронта донесения. Однако видневшиеся в окно красные флаги на Городской Думе красноречиво говорили иное...

Только что прочитал полученный из Петрограда Манифест Михаила Александровича об отречении. В нем Великий Князь заявляет, что он примет Верховную Власть только в том случае, если такова будет воля русского народа, выраженная через Учредительное Собрание. До того же полнота власти принадлежит Временному Правительству. (Приложение № 4)

Сегодня полковник Мордвинов рассказывал нам, что Государь решил отречься от престола еще до приезда Гучкова и Шульгина. Гучков говорил Мордвинову, что безопасность Государя обеспечена.

В беседе с Императором Гучков задал вопрос, какие у Него виды на будущее. Государь ответил, что Он сначала поедет в Ставку проститься со Штабом, затем попрощается с Матушкой и возвратится в Царское Село к семье.

Днем был получен ответ от Великого Князя Николая Николаевича на донесение Начальника Штаба об

отданном им распоряжении незамедлительно объявить по армиям Манифесты Государя и Великого Князя Михаила Александровича.

Великий Князь Николай Николаевич приказывал:

«В виду обстоятельств подтверждаю принятое Вами решение. Вместе с тем повелеваю всем войсковым начальникам от старших до младших внушить и разъяснить чинам армии и флота, что после объявления обоних актов они должны спокойно ожидать проявления воли Русского Народа, и святой долг их оставаться в повиновении законным начальникам, обереечь Родину от грозного врага и своими подвигами поддержать наших союзников в беспрецедентной борьбе», 4 марта 1917 г. № 4318. Генерал-Адъютант Николай.

Коши этой телеграммы были посланы Князю Львову и во все фронты.

Из Штаба Северного Фронта от Генерала Данилова поступило донесение о начавшихся на фронте и в тылу беспорядках; приезжают вооруженные шайки, к ним присоединяются солдаты, обезоруживают полицию, офицеров, грабят местных жителей и тыловые учреждения войск. Генерал Алексеев на это сообщение ответил приказом захватывать эти шайки и предавать их на месте военно-полевому суду. «Нам всем надо принять самые решительные меры, – писал Генерал Алексеев, – дабы дезорганизация и анархия не проникли в Армию».

Сегодня днем Государь ездил на вокзал встречать Императрицу Марию Федоровну, которая прибыла из Киева».

Часть VIII

«6 марта. Государь еще в Ставке и каждый день видится с Императрицей Марией Федоровной. Настроенные мирное и тоскливое...

Чувствуется, как будто живем в доме, где лежит безнадежно больной человек...

Что же дальше будет?..

Оперативные сводки, как и раньше, до отречения Императора с тем же заголовком – «Всеподданнейше доношу» – за подписью Ген. Алексеева, ежедневно представляются Императору во дворец.

На фронте спокойно, но армии все более и более начинает угрожать с тыла разлагающая ее дух социалистическая пропаганда. Что будет, если начнутся волнения и беспорядки в армии?

От Главнокомандующих фронтами получены тревожного содержания донесения.

Были случаи неповиновения войсковым начальникам, избияния и убийства офицеров солдатами.

Генерал Алексеев в тревоге за сохранение армии от разложения обратился к Военному Министру с настоятельной просьбой принять меры к ограждению армии от влияния различных самочинных организаций и делегаций, проникающих в армию.

Он предупреждает, что если не будут приняты меры, армия разрушится.

«..Дабы иметь возможность продолжать войну, – телеграфировал он Председателю Совета Министров, – и не допустить позора России, необходимо новому правительству проявить свою власть и авторитет и устранить причины начинающейся разрухи. Правительству крайне необходимо срочно, вполне определенно и твердо сказать, что армии никто не смеет касаться и что все распоряжения должны производиться через Верховного Главнокомандующего. Просил Военного

Министра точно также издать воззвание правительства к армии, что ее основной, как и прежде, долг сражаться с врагом внешним, свято хранить лучшее достояние армии и ее прочную дисциплину, что все распоряжения будут исходить от правительства, высших лиц, что никакие делегации не имеют права вводить какие-либо перемены в определенные законом нормы войсковой жизни до перемены закона.

Убедительно прошу издать воззвание, ибо на него обопрется всякий начальник; всякому будет понятно, что прежде всего его обязанность честно исполнить свое прямое дело.

Нужно спасти войска от развала всеми силами, ибо начало развала будет знаменовать конец борьбы с неприятелем № 1977. Ген. Алексеев».

На донесение Верховному Главнокомандующему о начавшейся разлагающей пропаганде в армии и своих просьбах, обращенных к правительству, Ген. Алексеев получил от Вел. Кн. Николая Николаевича следующую телеграмму:

«...Безусловно согласен с Вами и одинаково смотрю на дело с Вами; объявите в самых категорических выражениях Председателю Совета Министров Князю Львову, Председателю Государственной Думы Родзянко, что я вполне и абсолютно согласен с Вами и с Главнокомандующими Армиями, и что я Вам повелеваю Моим Именем заявить, что, если сегодня же не появится призыв к порядку в самой категорической и убедительной форме к войскам, о подчинении военному начальству, прекращении всего недопустимого, изложенного Вами в Вашей телеграмме № 1961, то я, равно как и Вы, все Главнокомандующие, безусловно не ручаемся за поддержание порядка и дисциплины, следствием чего неминуемый проигрыш войны; каждая минута промедления в буквальном смысле' этого слова

грозит роковой катастрофой. Всякое изменение существующих уставов и распорядка помимо меня и без моего согласия для пользы дела недопустимо». № 53. Николай.

Кроме этой телеграммы в этот же день была получена от Великого Князя на имя Генерала Алексева следующая:

«Мне необходимо знать для ориентировки, как принято мое назначение в армиях и Манифесту. Объявите войскам от моего имени, что на основании того, что Правительство сообщило, что никаких делегаций и депутатов и отдельных лиц не посылало для переговоров с войсками. Из этого явствует, что появившиеся в некоторых местах подобные люди подосланы врагами России, их цель внести разруху, так как только благодаря разрухе надеются победить, дабы поработить Россию. Враг знает, что иначе, как вселяя разруху, победить нас не может. Верьте только тем, которые призывают Вас к порядку и ведут в бой. Полагаю, что это надо объявить после объявления Правительством того, что изложено в моей телеграмме за № 53. Предоставляю Вам, если признаете нужным, изменить мой текст. № 341, 5 марта 1917 г. Генерал-Адъютант Николай».

По получении этих распоряжений Ген. Алексеев послал телеграмму Председ. Сов. Министров следующего довольно резкого и категорического содержания:

«Председ. Совета Министров – телеграммой от 5 сего марта № 1964, я сообщал Военному Министру, что по заявлениям Главнокомандующих фронтами, указывается на недопустимость арестов в пределах района театра военных действий военных начальников лицами, именующими себя делегатами совета рабочих и солдатских депутатов, а также городскими общественными комитетами; а также на недопустимость

обезоруживания на станциях и в городах, находящихся в пределах районов, подчиненных Главнокомандующим, чинов жандармской полиции, офицеров и караулов выставляемых для охраны станционных и жел.-дорожных сооружений. Вполне поддерживая заявление Главнокомандующих, я обратился к военному министру за энергичным его содействием в проведении правительством решительных мер, дабы зараза и разложение, начавшиеся в тылу, не перекинулись в действующую армию и не привели ее к полной небоеспособности.

Сегодня лично получил повеление от Верх. Главнокомандующего, что Его Высочество вполне соглашаясь с Главнокомандующими армиями, заявляет, что если безотлагательно не появится призыв правительства к порядку, к войскам, подчиненным военному начальству в самой категорической убедительной форме, а также не будет потребовано прекращения всего того, что ныне происходит в тыловых районах армии, то как Его Высочество, так и Главнокомандующие не ручаются за поддержание порядка и дисциплины, следствием чего явится неминуемый проигрыш войны. Каждая минута промедления в буквальном смысле этого слова грозит роковой катастрофой.

Всякое изменение существующих уставов и военного распорядка в пределах армии, помимо Верховн. Главнокомандующего и без его согласия, для пользы дела недопустимо. Необходимо правительственное объявление, что никаких делегаций и депутаций им не посылалось и не посылается для переговоров с войсками, и что появляющиеся в некоторых местах подобные люди подсланы врагами России, с целью внести разруху, так как только при разрухе Россия будет побеждена и поработчена врагом, что надо верить только тем, которые призывают к порядку и напряжению всех сил

для победы над внешним врагом. К этому я добавлю, что промедление в присылке текста присяги и задержка в приведении к присяге войск поведет к катастрофе. Полученные со всех сторон сведения указывают, что брожение начинает распространяться в войсках, ближайших к тылу. Эти волнения можно объяснить исключительно тем, что для массы простонародья все же непонятно отношение правительства к начальствующим лицам армии и недоверие, что последние действуют согласно директив и решений нового правительства. Ради спасения Армии, а вместе с ней и Родины, прошу не медлить, ни одной минуты. 5 марта 1917 г. Ген. Алексеев».

В результате этой категорической телеграммы Временное Правительство выпустило воззвание к Армии следующего содержания:

«Офицеры и солдаты доблестной Русской Армии! В великие и трудные дни перехода к новому Государственному порядку, взоры всей страны обращены к ее несокрушимому оплоту и драгоценному достоянию – к героической Русской Армии. В целостности и неизменности ее лежит залог исполнения народных надежд на светлое будущее России, устрояющей свою жизнь на началах свободы, равенства и права. Лишь твердо огражденный от ударов внешнего врага народ может совершить свой великий созидательный труд. Россия твердо верит, что Армия, одушевленная высоким духом любви к Родине, сохранит непоколебимыми устои своей силы, единство, сплоченность и твердый внутренний порядок власти и подчинения. Никакие перемены в воинском порядке и командовании не могут быть производимы иначе, как распоряжением Временного Правительства или действующей по его уполномочию высшей военной власти. Никто не призван обращаться к солдатам и офицерам от имени Временного Правительства, кроме

лиц, которые получают на то от Правительства особые полномочия, обеспечивающие им содействие военных начальников. Повиновение солдат офицерам, подчиняющимся в свою очередь, через посредство высшего военного командования Временному Правительству, составляет основу мощи Армии и безопасности страны. Разрушение этого повиновения привело бы Родину к поражению и свергло бы армию и народ в пучину гибели. Да не будет этого, доблестные защитники Родины! С твердой верой в вас и с радостной гордостью за совершенные вами самоотверженные подвиги взирает на вас возрождающаяся к новой жизни страна. Вместе с своим Правительством она приложит все силы, чтобы снабдить Вас всем необходимым для доведения войны до победного конца.

Вы отстояли своею грудью от нашествия Родину, изнемогавшую под тяжелым бременем старого порядка. Вы сумеете защитить на поле брани и Россию свободную, собственной волею решающую судьбы свои.

Ваша самоотверженная доблесть, Ваша непоколебимая стойкость покажут врагам, что свобода умножила и укрепила силы русского народа в великой мировой борьбе.

Спасение Родины в Ваших руках! Мужественно сражаясь с упорным противником, вы отстаиваете создающееся внутри страны великое будущее свободной России, счастье ваших детей. Министр Председатель Князь Львов. Военный и Морской Министр Гучков. 6 марта 1917 года».

Часть IX

7 марта

«Государь еще в Ставке, но по слухам завтра выезжает в Царское...

Полученные Петроградские газеты полны восторженных статей и телеграмм отовсюду по случаю совершившихся событий. В Петрограде уже сформировался офицерский республиканский союз.

В Могилеве спокойно. Один из чиновников Канцелярии Губернатора А. рассказывал о происшедшем инциденте между Губернатором г. Явленским и Городским Головой г. К.

Губернатор пригласил Городского Голову по делу о формировании последним какого-то комитета.

После обычных приветствий Городской Голова сказал: «Итак, Императора нет, есть гражданин Николай Романов».

Губернатор вспыхнул, ударил рукой по столу и резко повышенным тоном заявил: «Я Вам запрещаю в моем присутствии говорить так о Государе».

Говорят, городской голова с.-р, и теперь понятно, почему на Городской Думе красные флаги.

Отмечу один гнусный факт, вызвавший негодование: придворный парикмахер отказался брить Императора; пришлось вызывать частного парикмахера из города.

Вчера Гучков прислал на имя нач-ка штаба телеграмму за № 9215 – приказ, устанавливающий новые взаимоотношения между офицерами и солдатами (см. приложение. № 5)

Вместо «нижнего чина» – «солдат» и вместо «ты» – «вы».

Титулование солдатами офицеров по чинам отменено.

Но что самое ужасное в том приказе – это разрешение солдатам принимать участие в политике...

Кроме того Гучков запросил мнение Нач-ка Штаба по вопросу об отдавании чести.

«При разработке приказа, – телеграфировал Гучков, – дебатировался вопрос об отдавании чести военнослужащими, так как решение этого вопроса уже предупреждено советом рабочих и солдатских депутатов, регламентировавшим его в своем приказе № 1. (Приложение № 6)

Предложено было три решения: 1) совершенно умолчать об отдавании чести, что и сделано в выпущенном приказе, 2) сохранить вне службы взаимное приветствие, как символ принадлежности к одной семье; редакция была предложена следующая: отменить отдавание чести становясь во фронт, сохранив вне службы все правила взаимного приветствия между военнослужащими, как членами одной семьи.

Решение этого вопроса, таким образом, несомненно вызвало бы протест совета рабочих депутатов, усмотревших бы в этом стеснение свободы солдат вне службы, 3) полное согласие с советом рабочих депутатов и принятие их редакции.

Принятие этого решения лишило бы возможности в будущем изменить редакцию этого вопроса применительно изложенной в пункте 2.

Военный Мин. указывал, что в этом вопросе необходима солидарность с высшими представителями действующей армии, почему окончательное решение этого вопроса отложено до получения Вашего срочного заключения. Гучков».

Получив эту телеграмму, Ген. Алексеев донес о ее содержании Вел. Князю и в копии сообщил Главнокомандующим фронтами с тем, чтобы они запросили мнение по поводу отдавания чести всех начальников до

командиров полков включительно, с тем, чтобы их заключения направлялись Военному Министру непосредственно, «дабы Военный Министр, а с ним и правительство услышало голос всего офицерского состава армии по этому вопросу». Сам же он непосредственно послал след, буквально пророческого содержания заключение по поводу приказа и отдания чести.

«Военному Министру А. И. Гучкову. Позволяю себе сообщить Вам мое личное заключение по телеграмме Вашей № 9215. Прежде всего должен оговориться, что я, имея в виду с одной стороны исключительно интересы армии, а с другой стороны учитываю и степень культурного развития нашего солдата, ибо в число делегатов и число членов различных собраний, образуемых с политической целью, попадут исключительно мастеровые, т.е. самый крайний левый элемент.

Отдание чести совершенно отменить не допустимо, ибо этим будет внесен полный раскол между офицерской и солдатской средой и будет постоянной причиной для возникновения на этой почве целого ряда крупных недоразумений.

Дисциплина в корне будет подорвана, и армия превратится исключительно в милицию самого низкого качества.

Большинство старших начальников при первой возможности уйдет с военной службы, и при тех громадных потерях в офицерском составе, которые армия понесла в эту войну, Вам негде будет набрать хороший офицерский состав.

Считаю относительно отдания чести установить лишь взаимное приветствие, отменив отдание чести становясь во фронт, причем первым приветствовать должен обязательно младший.

Оставление титулования лишь по чину и должности, разрешение курить, езда в трамвае, посещение

клубов, буфетов, собраний, повелительно требуют разрешения вне строя и исполнения служебных обязанностей, ношения офицерами и чиновниками военного ведомства партикулярного платья.

Что касается разрешения участвовать солдатам в собраниях с политической целью, то это совершенно недопустимо, ибо это, как я уже сказал, в корне подрывает дисциплину, ибо естественно крайние идеи получают господствующее значение в армии, и в корне будет нарушен единственно правильный принцип – отстранение армии от политики. Ведь ныне, в происшедших событиях, участие запасных частей войск ясно показало, как оно опасно для Правительства, и история учит нас, что армия, вовлеченная в политику, будет всегда принимать участие в государственных переворотах.

Как бы ни кончилась война, надо помнить, что настоящая армия, по тем или иным причинам, а главное, вследствие полного расстройтва тыла, никакого участия в современных событиях не приняла. О том, что скажет армия впоследствии, если не будут приняты ныне же самые решительные меры к тому, чтобы не вовлекать ее в политику, предвидеть трудно.

Ради достижения победы над врагом или хотя бы возможности продолжать борьбу, дабы грядущий мир не был позорен для России, необходимо устранить причины, которые могут вызвать брожение и недовольство в армии. В настоящее время армия признала государственный переворот за совершившийся факт, признала новое Правительство и надо, чтобы она оставалась спокойной, пока не будет налажено новое государственное строение, и ее мысли не были бы заняты политическими вопросами.

Мы все, начальники, с своей стороны приложим все силы к тому, чтобы армия свято исполнила свой долг перед Родиной в борьбе с врагом. Но необходимо не

забывать, что в противном случае голос армии может быть грозен, и в какую сторону выльется движение в армии, предвидеть нельзя. Но во всяком случае втягивание армии ныне в политику приведет к невозможности продолжать войну, и не позже июня Петроград будет в руках германцев, которые продиктуют нам мир по своему желанию и в экономическом отношении нас поработят.

Пример французской революции и ее последствия к данному случаю не применим, ибо при современной технике, железных дорогах и силах противника соотношение сил России к силам врагов не то, какое было создано в период французской революции между ней и ее противниками.

Чтобы спасти армию, а с ней честь и будущее России, надо бережно обращаться с армией и более внимательно прислушиваться к ее нынешнему спокойному голосу, признавшему ныне создавшиеся условия. Дальнейшее же стремление в той или иной форме расширить ныне принятые требования крайних левых элементов, неминуемо поведет к тому, что армия будет вовлечена в политику, начнется междоусобная война и Россия попадет под ярмо Германии. Алексеев».

Часть X

«8 марта. Сегодняшний день был одним из самых тяжелых по переживаниям за весь этот период от начала революции. Сегодня Император навсегда прощался с нами перед отъездом из Могилева.

По распоряжению Начальника Штаба к 10/2 часам утра все офицеры Ставки и по одному представителю-солдату от каждого отдела и управления должны были собраться в большом зале Управления Дежурного генерала, где Государь пожелал проститься с нами.

Когда я вошел в зал Дежурства, мне резко бросилось в глаза постоянно стоявшего у стены огромного, во весь рост, портрета Государя Императора. Он был снят, и только большое пятно – более сохранившаяся покраска стены – указывало, что еще очень недавно здесь был портрет Императора Всероссийского... По чьему распоряжению он был снят – не знаю...

В зале уже было много офицеров; вскоре пришли Великие Князья Сергей Михайлович и Александр Михайлович.

Вдоль стен буквой «П» расположились офицеры в порядке отделов и управлений; на правом фланге, слева от входа, построились чины нашего управления, далее чины Упр. Деж. Генерала и остальных учр. Ставки. Направо от входа стала группа солдат и казаков – человек 20. Шли негромкие разговоры. Вскоре вошел Генерал Алексеев; поздоровавшись с Великими Князьями, Генералом Клембовским, он сделал остальным общий поклон и начал беседовать с Ген. Лукомским.

Через несколько минут Генералу Алексееву доложили, что Государь вышел из дворца.

«Ответят ли и как на приветствие Государя стоявшие вдоль лестницы солдаты?» – мелькнула у меня мысль (Государь любил здороваться с солдатами).

«Здравия желаем, Ваше Императорское Величество», – раздалось внизу.

В зале воцарилась тишина... было слышно, как Государь подымался по лестнице. Ген. Алексеев скомандовал «т. офицеры» и встретил Государя.

Государь несколько задержался в ухода; затем войдя в зал, поздоровался с Великими Князьями, Ген. Клембовским и сделал общий поклон офицерам; повернувшись к солдатам, поздоровался и с ними; те ответили: «здравия желаем, Ваше Императорское Величество».

Став по середине зала, лицом к стене, на которой Он уже не увидел своего портрета и, держа в обеих руках фуражку, и теребя ее, начал свою речь тихим голосом, волнуясь, делая большие паузы и как бы выжимая слова.

«Господа, мне тяжело говорить... я очень взволнован» ... – были первые слова Государя. Затем Он говорил о неисповедимых путях Господних, о Божьей воле и своем решении во имя блага Родины отречься от Престола, о необходимости продолжать дальнейшую борьбу с немцами... «Дай Вам Бог сломить врага, чтобы любимая наша Россия жила в благоденствии»... Благодарил собравшихся за совместную верную службу и желал всем так же честно служить Родине при новом Правительстве, как служили при Нем. На глазах Государя блестели слезы...

Потом он обратился к солдатам, сказав им: «передайте Вашим товарищам, что я благодарю их за службу и желаю скорой победы над врагом». Тишина стояла гробовая...

Окончив речь, Государь поклонился.

Все время стоявший сзади Его Ген. Алексеев, подошел к Нему и глубоко растроганным голосом пожелал Ему счастья в новой жизни...

Государь обнял и крепко поцеловал Ген. Алексеева.

Затем расцеловавшись с Великими Князьями (Великий Князь Сергей Михайлович горько плакал), Он подошел вплотную к стоявшим офицерам и пристально смотря в глаза, как бы стараясь запомнить лица, пожимал каждому руку.

Раздались всхлипывания, затем рыдания... истерические вскрики... Стоявший недалеко от меня Штабс-Ротмистр Муханов упал в обморок. Затем еще один за другим несколько человек...

Государь продолжал обход. Нервы у всех были напряжены до крайности. Многие из солдат также рыдали. В особенности истерически рыдал казак-конвоец с большой черной окладистой бородой...

Глубоко взволнованный всей обстановкой, Государь, не закончив обход, приостановился и резко поклонившись, направился к выходу, спустился по лестнице и прошел через сад во дворец.

Провожая глазами уходившего из зала Императора, мой взгляд упал на лежавший на столе у стены большой календарь, на котором стояли крупные цифры – 8/21. Среда.

Я подошел и сорвал этот листок на память о только что пережитом тяжелом моменте...

Этот листок хранится у меня и теперь вместе с несколькими цветными карандашами, коими Государь делал иногда отметки на карте во время оперативных докладов.

Не помню, как я возвратился в оперативное отделение; все сидели молча, уткнувшись в свои бумаги и карты.

Вскоре были поданы к дворцу автомобили. Государя ждал уже особый поезд с представителями Временного Правительства, которые должны были «сопровождать» Государя до Царского Села.

Все бывшие в комнате подошли к окну, чтобы еще раз взглянуть на уезжавшего Императора.

Ровно в 12 часов закрытый автомобиль тихо прошел через площадку мимо наших окон, увозя Государя. Многие из случайно стоявшей на тротуаре публики низко кланялись, прощаясь с Царем.

Вот автомобиль свернул направо, на Днепровский проспект... еще секунда – и он исчез за углом... И все кончено... Император навсегда покинул Ставку и Армию...»

В ночь на 8 марта, по приказанию Ген. Алексева был передан по телеграфу в Армию прощальный приказ Императора, лично написанный Государем поздно вечером 7 марта:

«В последний раз обращаюсь к Вам, – писал Государь, – горячо любимые мною войска. После отречения мною за себя и за сына моего от Престола Российского власть передана Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему. Да поможет ему Бог вести Россию по пути славы и благоденствия.

Да поможет Бог и Вам, доблестные войска, отстоять нашу Родину от злого врага.

В продолжении двух с половиной лет вы несли ежечасно тяжелую боевую службу, много пролито крови, много сделано усилий и уже близок час, когда Россия, связанная со своими доблестными союзниками, одним общим стремлением к победе, сломит последнее усилие противника. Эта небывалая война должна быть доведена до полной победы.

Кто думает теперь о мире, кто желает его, – тот изменник Отечества, его предатель. Знаю, что каждый честный воин так мыслит.

Исполняйте же ваш долг, защищайте доблестную нашу Великую Родину, повинуйтесь Временному Правительству, слушайтесь Ваших начальников, помните, что всякое ослабление порядка службы только на руку врагу.

Твердо верю, что не утасла в ваших сердцах беспредельная любовь к нашей Великой Родине.

Да благословит Вас Господь Бог, и да ведет Вас к победе Святой Великомученик и Победоносец Георгий. *Николай*».

Этот последний приказ Государя дошел до Штабов Армий и только кое-где до штабов корпусов и дивизий (Румынский фронт), ибо, получив копию этого приказа, Военный Министр Гучков экстренной телеграммой в Штабы Фронтов, помимо Ставки, воспретил дальнейшую передачу приказа в войска. И таким образом Армия не услышала прощального слова Императора, не услышала Его последнего привета.

Заключение

«Прошло 12 лет со времени этих огромных в жизни нашей родины событий. Уже имеется некоторая историческая перспектива.

И вот, оглядываясь назад, спокойно анализируя происходившие события и зная ныне некоторые дополнительные детали, как-то невольно приходишь к мысли, что в течении и сплетении этих событий был какой-то неотвратимый рок.

Я не имею в виду ни основных, теряющихся в глубине прошлого и начале нынешнего столетия многочисленных причин, постепенно приведших нашу Родину к ее нынешним страданиям, ни ближайших по времени причин, вызванных кровопролитной и продолжительной войной, надломившей дух русского народа – я хочу сказать лишь о тех событиях последних дней Императорской России, кои словно гири бросились Роком на одну из чашек весов, на которых уже взвешивались судьбы России... И эти гири в последний, решительный момент и перевесили устой старого порядка...

События эти следующие:

1) Столица Российской Империи – Петроград зимой 1916 и весной 1917 г. был переполнен сотнями тысяч запасных.

Только гениальнейшая личность, заранее подготавливавшая революционный взрыв, могла так учесть роль этой массы, и исподволь, не вызывая ни чьих подозрений, подготовить себе столь полезный и в таком огромном размере материал!

2) Ответственный пост начальника Петроградского Военного Округа в этот критический момент занимает нерешительный, не обладающий никакими особенными талантами, ни боевыми, ни административными, Ген. Хабалов.

Как будто он специально был уготован для облегчения первых шагов революции.

3) В Петрограде, кроме массы запасных, были надежные войсковые части—военные училища и школы прапорщиков.

Они дали бы достаточное количество пехоты, артиллерии и конницы для подавления беспорядков в те критические дни, когда запасные и казачьи части отказались повиноваться.

Никто об этом, в том числе и Ген. Хабалов, не подумал; впрочем, может быть и подумали, но не решились оживотворить эту мысль; сказались безволие, нерешительность и «боязнь ответственности»...

Теперь уже известно, что даже оставшиеся верными долгу небольшие войсковые части с прибывшей из Царского Села батареей и отряды полиции, еще находившиеся в последние моменты в распоряжении Нач. Округа, не были использованы для подавления беспорядков, охвативших столицу.

Эти части бездействовали; их переводили с места на место, из Зимнего дворца в Адмиралтейство и обратно до тех пор, пока «гарнизон» Петропавловской крепости, убедившись в полной их пассивности, не потребовал под угрозой открытия огня, сдачи, что и было немедленно исполнено.

4) На просьбы Князя Голицына и Ген. Хабалова прислать в Петроград для успокоения и приведения в порядок столицы энергичного генерала, Государь назначает на эту ответственную роль находившегося «на покое» старика Ген. Иванова. Результаты известны.

5) Государь совершает огромную непоправимую ошибку – не послушав просьб и настояний Ген. Алексева, покидает в серьезнейший момент Ставку, Армию

и едет в Царское к семье, к заболевшим незадолго – именно незадолго – до наступления критических для государства дней детям.

В пути Он теряет связь со Ставкой, Петроградом и фактически перестает управлять Государством и Армией.

В Пскове Он как бы изолирован... Его окружают холодные люди штаба северного фронта.

Кто с Ним из Его близких, надежных и верных слуг, с кем бы Он мог посоветоваться? Ветхий старик Граф Фредерике и не требующие характеристики ничтожества – Воейков и Нилов¹²...

Вот кого поставил Рок при последних минутах царствования Императора Николая II...

Будь Император в Ставке, события приняли бы, более, чем вероятно, другой оборот.

б) Государь отказывается от престола и передает его Бел. Кн. Михаилу Александровичу, который незадолго до начала революции прибыл в Петроград с фронта, будучи назначен Инспектором Кавалерии.

Бел. Князь под впечатлением переживаемых событий и под давлением Родзянко и Керенского, по слабости характера, отказывается от престола. Можно сказать более чем уверенно, что Великий Князь, независимо от того, насколько трудно было бы его положение, в связи с завещанием Императора Николая II, изложенным в Его манифесте, принял бы корону и не отказался от

¹² Поручик Л.-Бородинского полка Чехов, командированный для связи в Штаб Сев. Фронта, рассказывает, что Ген. Воейков, ходя с ним по перрону на ст. Псков, был до крайности растерян и все только часто, часто крестился.

На успокоительные слова Пор. Чехова, что Бородинский полк пробьется в Петроград и наведет порядок, Воейков, безнадежно махнув рукой, сказал упавшим голосом – «не пробьются»...

нее, если бы он в это время находился в армии, во главе своего конного корпуса, вне столичных событий, вне влияния политических настроений.

Итак, разве не рука Рока и рука карающая видна во всех этих последних событиях?!

За что? Исчерпывающий ответ на этот вопрос дадут беспристрастные историки будущего.

Приложения
и некоторые документы,
относящиеся ко времени
24/II-8/III1917 г.

Приложение № 1

Копия телеграммы на имя Председателя Госуд. Думы, собственноручно написанной Государем Императором Николаем II днем 2 марта, по неизвестной причине не отправленной по назначению и переданной Ген. Алексееву.

Председателю Госуд. Думы Петр.

Нет той жертвы, которую Я не принес бы во имя действительного блага и для спасения родимой Матушки-России. Посему Я готов отречься от престола в пользу моего сына с тем, чтобы (он) остался при нас до совершеннолетия при регентстве брата моего Великого Князя Михаила Александровича.

НИКОЛАЙ

Проект телеграммы относится, по-видимому, к периоду 3–4 час. дня 2 марта 1917 г. Написан в Пскове.

Передан Ген. Алексееву 3 марта вечером в Могилеве.

Ген. Алексеев

С подлинником верно:
Ген. Шт. Подполковник

Гронин

2 августа 1917 г. 16 ч. 48 м,
Могилев

Приложение № 2

Текст Манифеста Императора Николая II об отречении от престола:

В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь героической нашей армии, благо народа, все будущее дорогое нашего отечества требует доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России, почли Мы долгом совести – облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной Думою, признали Мы за благо отречься от престола ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО и сложить с себя Верховную власть. Не желая расстаться с любимым сыном Нашим, Мы передаем наследие Наше Брату Нашему ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ и благословляем Его на вступление на Престол ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО. Заповедуем брату Нашему править делами Государственными в полном и ненарушимом единении с Представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том нерушимую присягу. Во имя горячо любимой Родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого

долга перед ним, повиновением Царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь Ему, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России. 2 марта 15 часов 1917 года. Город Псков. НИКОЛАЙ. Министр Императорского Двора Генерал-Адъютант Граф Фредерикс.

Приложение № 3

Главкосев, Главкозап, Главкою, Поглавкорум, Наморштаверх, для Комфлота Балтийского и Черного.

Верховный Главнокомандующий Великий Князь Николай Николаевич повелел сообщить Армии и Флоту –

1) волею Государя Императора Николая II, Указом Сенату, данным 2 марта, Его Императорское Высочество назначен Верховным Главнокомандующим и изволил вступить в должность 3 сего марта.

2) Указом Правительствующему Сенату назначил Председателем Совета Министров ответственного перед народными представителями министерства Князя Георгия Евгеньевича Львова.

3) В состав Министерства вошли: Министр Внутренних Дел – Князь Георгий Евгеньевич Львов, Министр Иностранных Дел – Павел Николаевич Милюков, Министр Юстиции – Александр Федорович Керенский, Министр Путей Сообщения – Николай Виссарионович Некрасов, Министр Торговли и Промышленности – Александр Иванович Коновалов, Министр Народного Просвещения – Александр Аполлонович Мануйлов, Военный Министр и вр. Морской – Александр Иванович Гучков, Министр Земледелия – Андрей Иванович Шингарев, Министр Финансов – Михаил Иванович Терещенко, Государственный Контролер – Иван Васильевич Годнее, Обер-Прокурор Синода – Владимир Николаевич Львов. Надлежит указать, что по всем подлежащим вопросам надо сноситься с новым Правительством;

4) В согласии с Государственной Думой Государь Император издает Манифест, который будет объявлен

законным порядком. По справке из нового Министерства из Петрограда Манифест будет обнародован в ночь на 4 марта, и немедленно об этом Вы будете поставлены в известность.

3 марта 1917 г. № 1929.

Генерал-Адъютант Алексеев

Приложение № 4

Текст манифеста Великого Князя Михаила Александровича.

Тяжкое бремя возложено на Меня волею Брата Моего, передавшего Мне Императорский Всероссийский престол в годину беспримерной войны и волнений народных.

Одушевленный единою со всем народом мыслию, что выше всего благо Родины нашей, принял Я твердое решение, в том лишь случае воспринять Верховную власть, если такова будет воля Великого Народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием, через представителей своих в Учредительном Собрании, установить образ правления и новые основные законы Государства Российского.

Посему, призывая благословение Божие, прошу всех граждан Державы Российской подчиниться Временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всею полнотою власти, впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок, на основе всеобщего, прямого равного и тайного голосования, Учредительное Собрание своим решением об образе правления выразить волю народа.
МИХАИЛ. 3 марта 1917 г. Петроград.

Приложение № 5

ПРИКАЗ ПО ВОЕННОМУ ВЕДОМСТВУ № 114.

Петроград. Марта 5-го дня 1917 года.

Приказываю:

1) Отменить наименование «нижний чин»; в подлежащих случаях заменять его названием «солдат».

2) Отменить титулование, заменив таковое формой обращения: «г-н генерал», «г-н полковник», «г-н штабс-ротмистр», «г-н хорунжий», «г-н врач», «г-н чиновник» (или по должности, например, «г-н казначей»), «г-н унтер-офицер» (или по званию «г-н отделенный») и т.п.

3) При обращении ко всем солдатам как на службе, так и вне ее, говорить им «Вы».

4) Отменить все ограничения, установленные для воинских чинов, статьями 99-100-101-102-104 устава внутренней службы, воспрещавшими курение на улице и в общественных местах, посещение клубов и собраний, езду внутри трамваев, участие в качестве членов в различных союзах и обществах, образуемых с политической целью и прочее.

Предлагаю Главному Управлению Генерального Штаба теперь же приступить к переработке соответствующих статей воинских уставов в соответствии с указаниями настоящего приказа. Предоставляю тому же Управлению разъяснить все вопросы и недоразумения, могущие возникнуть при применении настоящего приказа.

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, сотнях, батареях и всех воинских строевых и нестроевых командах.

(По Главному Управлению Генерального Штаба)

Подписал:

Военный Министр А. Гучков

Приложение № 6

ПРИКАЗ № 1

1 марта 1917 года. По Гарнизону Петроградского округа всем солдатам гвардии, армии, артиллерии и флота для немедленного и точного исполнения, а рабочим Петрограда для сведения.

Совет рабочих и солдатских депутатов постановил:

1) Во всех ротах, батальонах, полках, парках, батареях, эскадронах и отдельных службах разного рода военных Управлений и на судах военного флота немедленно выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов вышеуказанных воинских частей.

2) Во всех воинских частях, которые еще не выбрали своих представителей в Сов. Рабочих и Солдатских Депутатов, избрать по одному представителю от рот, которым и явиться с письменным Удостоверением в здание Государственной Думы в 10 ч. утра, 2 сего марта.

3) Во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету Рабочих и Солдатских Депутатов.

4) Приказы военной Комиссии Государственной Думы следует исполнять только в тех случаях, когда они не противоречат приказам и постановлениям Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

5) Всякого рода оружие, как-то: винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее должны находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам, даже по их требованию.

6) В строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но вне службы и строя, в своей политической и частной жизни солдаты ни в чем не

могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане. В частности вставание во фронт и обязательное отдавание чести вне службы отменяется.

7) Равным образом отменяется титулование офицеров: Ваше превосходительство, благородие и т.п. и заменяется обращением: господин генерал, господин полковник и т.д.

Грубое обращение с солдатами всяких воинских чинов и в частности обращение к ним на «ты» воспрещается, и о всяком нарушении сего, равно как и о всех недоразумениях между офицерами и солдатами, последние обязаны доводить до сведения ротных комитетов.

Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов.

Приказ Верховного Главнокомандующего Великого Князя Николая Николаевича

ПРИКАЗ АРМИИ И ФЛОТУ № 1.

3 марта 1917 г.

Волею Монаршей, по неисповедимым путям Господним, Я назначен Верховным Главнокомандующим.

Осенив себя крестным знаменем, горячо молю Бога явить мне Свою всесильную помощь.

Твердо верю, что на благо Родине Он всемогущий и всемилостивейший услышит молитву мою.

Глубоко проникнут сознанием, что только при все- сильной помощи Божией получу силы и разум вести вас к окончательной победе.

Что касается вас, чудо-богатыри, сверхдоблестные витязи земли Русской, то знаю, как много вы готовы отдать на благо России и Престола.

Вам только нужна помощь Божия. Веруйте же едино со мною, что Бог нам поможет. Знайте, что Россия в сознании, что для достижения окончательной победы нужна дружная самоотверженная работа всех ее сынов в тылу, своим достоинством и спокойствием явить всему миру все величие русского духа и непоколебимую силу нашей великой Родины.

Генерал-Адъютант *Николай*.

Оперативная сводка¹³ о событиях на фронте в дни великих событий 28/II-2/III, посланная Императору 3/III в 11 ч. 20 м., когда Он возвращался из Пскова в Ставку после отречения.

Его Императорскому Величеству
Всеподданнейше доношу

Положение дел от 8 час. 28 февраля до 8 час.
3 марта 1917 года.
Ход событий на фронтах.

За 28 февраля

На Северном и Западном – перестрелка и поиски разведчиков. На ст. Радзивиллов самолетами противника сброшено свыше 60 бомб.

На Юго-Западном, на участке 7 Сибирского корпуса в районе Свистельники, противник атаковал наши позиции и захватил часть окопов. Нашими контратаками противник был выбит и с большими потерями отброшен в свои окопы.

На Румынском – перестрелка и поиски разведчиков.

¹³ Составлено мною.

На Кавказском – На Хамаданском направлении, после двухдневного боя, наши войска овладели Керманшахом; преследование турок продолжается.

За 1 марта

На Северном, Западном, Юго-Западном и Румынском фронтах – перестрелка и поиски разведчиков.

На Кавказском – на Саккизском направлении наши войска сбили турок с перевала Калихан и продолжают движение к Вану.

За 2 марта

На Северном и Западном фронтах попытки разведывательных частей противника приблизиться на различных участках к нашим позициям были отбиты огнем.

На Юго-Западном фронте, в районе Станиславова противник атаковал позиции 12 корпуса и занял было часть их, но контратакой резервов положение было восстановлено.

На Румынском фронте – перестрелка.

На Кавказском фронте – На Карманшахском направлении наши войска сбили турок с перевала Налеш-кян западнее Керманшаха.

Генерал-Адъютант *Алексеев*

№1916 3 марта 1917 г.

Ставка.

Содержание

Часть I.....	3
Часть II.....	5
Часть III.....	9
Часть IV.....	19
Часть V.....	23
Часть VI.....	31
Часть VII.....	44
Часть VIII.....	47
Часть IX.....	53
Часть X.....	58
Заключение.....	63
Приложения и некоторые документы, относящиеся ко времени 24/II-8/III1917 г.....	67
Приложение № 1.....	67
Приложение № 2.....	68
Приложение № 3.....	70
Приложение № 4.....	72
Приложение № 5.....	73
Приложение № 6.....	75

Василий Михайлович Пронин

**Последние дни Царской Ставки
(24 февраля – 8 марта 1917 г.)**

16+

Ответственный редактор *А. Иванова*
Верстальщик *Н. Сычева*

Издательство «Директ-Медиа»
117342, Москва, ул. Обручева, 34/63, стр. 1
Тел/факс + 7 (495) 334-72-11
E-mail: manager@directmedia.ru
www.biblioclub.ru
www.directmedia.ru

Отпечатано в ООО «ПАК ХАУС»
142172, г. Москва, г. Щербинка,
ул. Космонавтов, д. 16